

Игнатович Т. Ю. Переводные дипломатические письма китайского императора к русскому царю конца XVII века как лингвистический источник / Т. Ю. Игнатович, Ю. В. Биктимирова // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 126—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-126-138.

Ignatovich, T. Yu., Biktimirova, Yu. V. (2017). Translated Diplomatic Letters of Chinese Emperor to Russian Tsar of late 17th Century as Linguistic Source. *Nauchnyy dialog*, 12: 126-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-126-138. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 811.161.1'04+81'25:82-6=161.1

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-126-138

Переводные дипломатические письма китайского императора к русскому царю конца XVII века как лингвистический источник

© **Игнатович Татьяна Юрьевна (2017)**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), ignatovich_chita@mail.ru.

© **Биктимирова Юлия Викторовна (2017)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия), pravo_chita@mail.ru.

В настоящем исследовании вводятся в научный оборот и впервые анализируются с позиций лингвистического источниковедения несколько переводных дипломатических писем китайского императора к русскому царю конца XVII века, записанных кириллической скорописью и являющихся переводом с китайского языка на латинский, а затем с латинского — на русский язык. Целью исследования документов является рассмотрение их жанрово-стилистической специфики и определение языковых особенностей. Это представляется актуальным, поскольку позволяет дополнить и уточнить научные представления относительно развития русского национального языка на периферии Московского государства. Анализ языка памятников свидетельствует о последовательности в намеренной архаизации путем употребления церковнославянских слов и форм писцами, что, вероятно, являлось маркером дипломатических документов. Между тем тексты отражают и живые формы и произносительные варианты русского разговорного уза того времени, которые могут свидетельствовать о том, что переводчик диктовал текст писцу, переводя устно с латинского языка. Исследование показывает, что переводные листы латинского письма являются интересным лингвистическим источником с точки зрения отраженных в них языковых явлений — фонетической и морфологической систем, словарного состава периода формирования языка русской нации.

Ключевые слова: памятники письменности; язык переводной литературы; скоропись; варианты грамматических форм; жанры приказного делопроизводства.

1. Введение

Вопрос о том, в какой степени переводные памятники письменности русской скорописи интересны с точки зрения лингвистического источниковедения, не раз поднимался лингвистами прошлого века. В основном учеными изучаются переводные памятники разных жанров и периодов из Посольского приказа, присланные из стран Европы и Ближнего Востока [Документ ..., 2012]. Активно исследуются орфографические способы передачи иноязычных названий, особенности построений синтаксических конструкций, жанровое своеобразие [Демьянов, 1991; Дубровина, 1991; Старикова, 2015 и др.]. На фоне этих исследований привлечение в научный оборот переводных произведений отдаленных государств, а именно — древних государств Дальневосточного региона, практически не осуществляется. Между тем изучение переводных документов могло бы восполнить недостающие факты истории освоения Сибири и Дальнего Востока, а также дополнить и уточнить научные представления относительно развития русского национального языка на периферии Московского государства. В этом плане не изученными с точки зрения лингвистического источниковедения, следовательно, актуальными для науки остаются документы дипломатической переписки китайского императора с русским царем конца XVII века, переведенные с китайского языка (маньчжурского) на русский язык с помощью латинского языка-посредника, проходящие под одним названием — «Список с переводу латинского письма» [РГАДА, ф. 214. стб. 973. л. 93—96. 193—194. 1685—1686 гг.]. Именно они являются объектом нашего исследования. Эти документы свидетельствуют о первых русско-китайских контактах и с точки зрения лингвистической содержательности значительно отличаются от документов делопроизводства Нерчинского воеводства, входящих в корпус памятников Восточного Забайкалья XVII—XVIII веков и подвергавшихся исследованиям в контексте лингвистического источниковедения [Биктимирова, 2015; Биктимирова, 2016; Майоров, 2006; Христосенко, 1975].

Цель исследования — оценка лингвистической содержательности переводных писем посредством определения их жанрово-стилистической специфики и выявления языковых черт с опорой на методологическую базу, разработанную научной школой лингвистического источниковедения С. И. Коткова [Котков, 1980].

Методами исследования являются метод лингвистической интерпретации источниковедческих данных текстов архивных документов, сравнительно-исторический метод, в частности прием внутренней реконструкции регионального делового речевого узуса XVII—XVIII веков,

и сравнительно-типологический метод, позволяющий определить жанровые особенности и место исследуемых текстов в деловом дискурсивном пространстве того времени.

2. Историко-источниковедческая характеристика документов исследования

Время и место создания документов определяются. Во-первых, «листы» изначально находились в склейке «столпа» документов, который был отправлен в Сибирский приказ Нерчинским воеводой. Во-вторых, в наименовании «столпа» присутствует датировка 7194 (1686) г. и указание «в столпе» царствующих особ — царствование Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича.

Пространственно-временная характеристика изучаемых памятников подтверждает достаточную степень достоверности источников.

Письма написаны от имени китайского императора Канси, русские историки в основном связывают все переводы на латинский язык грамот императора Канси с именем Николая Спафария, авторы русских переводов неизвестны. Китайский историк Чжан Сюэфэн, ссылаясь на дневники архимандрита Петра Каменского, приводит интересный факт о том, что после повторного занятия в августе 1685 года русскими Албазина в ноябре того же года цинские войска взяли в плен Якима Иванова и Гришку Фомина. Позже их отпустили в Москву с «шестью письмами от Богдыхана и китайских военачальников российскому правителю и воеводам Албазина и Нерчинска, написанными на латинском, монгольском и русском языках, с идентичным содержанием» [Чжан Сюэфэн, 2009, с. 135—136].

В основе «Списка с переводу латинского письма» — исторические события, связанные с освоением Московским государством сибирских земель за Байкалом. Усиление позиций России на малозаселенных территориях вызвало большую обеспокоенность у Цинской империи. В документах говорится о пограничных делах и немирном соседстве «русов», «которые в рубежи нши вступили обиды j8бытки чиня жены идъти и'вплъ», Похищах8 всеконе'но, см8щения jкрамолу во'буждати непри'тали» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 93, 1685—1686 гг.], бесплодных посылках своих грамот в Москву через русских пленников, которые письма уносили, а вести не принесли; возвращении «народовъ которые нар'с бежахъ жив'тъ нехочешъ ихъ впелен во'вратити» [РГАДА, ф. 214, стб. 973; л. 93, 1685—1686 гг.].

Исследуемые тексты начинаются с наименования документа, истории их появления в Нерчинском приказе и определения «адресат — адресант»:

«Перевод^{тб} лати^нского пи^сма слисто^в каковы При^сланы в Гдр^ственно' Посо^нско' прика^з јсибирского Прика^з, Тата^ррскии и хинскии императір ума своего немѣрние кр^сскому ха та^нха^н ...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 93, 1685—1686 гг.].

В нескольких «листах» содержится близкий к тексту оригинала пересказ писцами трех писем императора Канси «белому царю», китайских вельмож воеводам. Исследуемый памятник вольного пересказа «листов», переведенных с китайского (маньчжурского) на латинский, а затем на русский состоит из трех значительных частей: в полной мере представлен переведенный текст трех писем. Об этом исполнитель документа или переводчик сообщает: «...Вдр^сгомъ латинско^м пи^смѣ написано то* что јвьше сего вперво^м написано В третье^м латинскомъ письмѣ написано ...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 97, 1685—1686 гг.].

По поводу идентичности содержания переводов-копий с китайского текста-оригинала еще историки XIX века отмечали, что «сохранившиеся памятники на туземных языках, скорее пересказы, чем переводы: заключают в себе много измышленных переводчиками добавлений или страдают весьма существенными пропусками» [Некоторые ..., 1912]. Этот факт представляется весьма интересным, поскольку позволяет предположить отражение в русских текстах языковых особенностей авторов переводов. Однако вопрос о том, кто являлся переводчиками с латинского языка на русский исследуемых документов, остается открытым, можно с уверенностью сказать, что письма написаны на территории Цинской империи, о чем свидетельствует описание печатей на посланиях: «И на тѣхъ листах печати приложены киноваремъ а впечатехъ слова кита^рские и богдоиские».

3. Графический анализ текстов

Степень достоверности источников подтверждается графикой рукописных переводных документов, которые сохраняют черты скорописи конца XVII века. При анализе графических особенностей исследуемых документов можно сделать вывод, что в целом они соответствуют палеографическому описанию, произведенному исследователем памятников Нерчинского воеводства — Г. А. Христосенко [Христосенко, 1973]: листы документов в основном содержат текст с одной стороны, нет четкой градации написания строчных и заглавных букв, знаки препинания расположены бессистемно, предлоги и зависимые слова пишутся слитно, сакральные слова и традиционные часто употребляемые в документах слова (јвшь^ь ъбо Гдр^ь) записаны под титулом, используется буквенная цифирь — (на ^алд^а

строках), традиционны для скорописи выносные буквы и многочисленные графические варианты одной и той же буквы.

4. Жанрово-стилистическая характеристика текстов

Исследование памятников деловой письменности XVII века в основном осуществляется в рамках жанрово-дифференцированного подхода, в аспекте взаимодействия двух языковых традиций — книжной (церковнославянской) и местной народно-разговорной (диалектной), а также в сопоставлении узуса и нормы, языка центра и периферии. В эпоху великих преобразований внутри Московского государства происходит и движение вовне — присоединение новых земель, установление и развитие дипломатических контактов с сопредельными и территориально отдаленными странами. Все эти преобразования прямо или косвенно явились импульсом к преобразованиям в языковой системе — начинается период формирования национального русского языка. Активизация деловой жизни государства привела к развитию приказного языка и созданию большого количества жанров документа.

Исследуемые документы с точки зрения жанровой регламентации обозначены писцом или копиистом как «список с переводу латинского письма». Приблизительный перевод-пересказ писем китайского императора и его подчиненных с китайского на латинский, с латинского на русский имеет ряд жанровых особенностей, характерных для посольских документов — формулярная организация и целевая заданность, наличие *клаузул обращения, изложения основного содержания письма и заключительного блока, дата написания и имя автора*. Сравнивая «листы» с письмами приказного делопроизводства, можно сказать о минимальном использовании формул и клише приказного языка. Связано это как с особенностями перевода, так и с разными традициями составления документов. Исходя из этого можно предположить, что формулы типа *душа моя неповолила, ума своего намерения, листы моего хотения* или являются клаузулами оформления деловых бумаг в Цинской империи, или входили в правила составления бумаг переводчика латинского языка на русский. Также в традициях составления документов в Цинской империи не было принятой в европейских государствах записи наименования правителя с перечислением земель, что и фиксируется в исследуемых «листах».

Для деловых документов посольского приказа характерно обилие церковнославянских и архаических элементов, типичных для канцелярского стиля: «...ото^м обо все^м свое^{му} Гд^{рю} По^{длинно} наро^{дно} о^тпиши <...> j всяк^ю см^ѣти чинять...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 104, 1685—1686 гг.]. В исследуемых «листах» народно-разговорные элементы переплетаются с элементами

книжной стилистики: «...что^б таких својволны^х сабак^от дѣрводства ъняли – Пото^{му} бо КоГда в рубежи нѣи вступили обиды јѣбытки чиня жены идѣти и^хвлѣ^н, Похищахѣ всеконе^{чно}, смѣщения јкрамолу во^збуждати непри^{тали} ...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 101, 1685—1686 гг.].

Дипломатическая переписка предполагает намеренное выделение автора текста индивидуальными приемами, что отменяет принцип деловой письменности XVII века — неличности изложения. Черты разговорной речи и деловой шаблон включаются в описательные и повествовательные фрагменты, придавая особый колорит таким текстам. Интересно, что индивидуальное и общее в языке статейных списков не конкурируют друг с другом, а находят выражение в едином дипломатическом замысле. Такие части, как правило, выделяются при передаче прямой речи или же в пересказе событий и отражают размышления заказчиков писем.

5. Языковые особенности документов

Жанром во многом определяется лексика документа, которая представлена несколькими пластами, характерными для переводных памятников дипломатического характера: общественная, политическая, юридическая, дипломатическая, военная.

В исследуемых памятниках обширен материал ономастического характера: указываются имена власть имущих (Гантимѣрка, нача^нник кѣн пѣнгъ хень, Императора ка^нхи), географические названия (которые были во хе^нгбѣ јвтаких јны^х мѣсте^х). Значительное количество собственных имен географических названий предметов обихода в различных графических и фонетических вариантах дает представление об адаптации иноязычных слов в русском языке и нормах произношения на русском языке и языке переводимого текста. Например, «мѣсто оноѣ имянованное ягучя» представлено в вариантах — ячча^а, яччя, ячи-чя.

Вопрос вызывают многочисленные заимствования из других языков, встречаемые в русских деловых литературных памятниках начиная середины XVII века: *шеренги, королевство, император, царское величество* и др. Эти слова присутствуют в исследуемых текстах, но не фиксируются авторами статьи в других документах корпуса памятников Восточного Забайкалья XVII века. Тройной перевод текста допускает проникновение не только западных элементов, но и восточных — так, русский царь именуется *танханом*, что можно перевести с монгольского как «белый князь», и пр.

С явной интенцией эмоционального воздействия используются паремии: чюжѣ не хочють асвоего нетеряють; Покорнымъ живымъ быть анепо корны^х побить.

Графико-орфографические особенности текстов позволяют реконструировать ряд отразившихся произносительных особенностей речевого узуса того времени. Судя по многочисленным фактам путаницы написания буквы а на месте о в слабых позициях в корнях, приставках, суффиксах и окончаниях слов, в том числе явлений гиперкоррекции, писец был носителем акающего говора (*сабак, токой досады, гроницы, воевоти*). Исследуемые документы отражают в написании, с одной стороны, облик живой народно-разговорной речи XVII века (*чюжи не хочють, чюжую, сылы, жалая, естли, императур*), с другой — намеренную и порой надуманную архаизацию написания слов, возможно, для создания эффекта текста высокого стиля (*хоци, пелен, древле, будучие, народа*).

Морфологические особенности изучаемых памятников характеризуются конкуренцией церковнославянских форм и живых народно-разговорных.

Для существительных характерна нестабильность категории одушевленности / неодушевленности — колебания испытывают названия животных: «... јчто найше величество напромыла в леса соболи боьры выдры лоси олени рыбь иинные всякие звѣри Поданые мои ловят...». В рамках одного документа наблюдается конкуренция форм: «...саГраниць для промыла соболи... — «...и всяки звере' ловит...» ...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 99, 103, 1685—1686 гг.].

Отмечено, что писцом намеренно сохраняются архаичные формы — следствие перестройки древней многотишной системы склонения — *из приказу, своим людем, в города, в городехъ, в печатехъ, водою, в прошлых годехъ, В'дръгомъ лигтѣ, и ясакѣ неонимать*.

Анализ словоизменения прилагательных и местоимений разных рядов в памятниках так же, как и существительных, выявляет процесс намеренной архаизации в клаузулах, превалируют полные формы прилагательных с церковнославянскими флексиями: формы И. п. и В. п. ед. ч муж. рода с флексией *-ый*, Род. п. ед. ч муж. рода с флексией *-аго (-яго)* (*кра'няго советъ советникъ, для сего самаго дѣла*), И. п. и В. п. мн. ч с флексией *-ыя* (*оныя которые крѣзь рубежа живяху*). Наблюдается употребление полных и кратких прилагательных: в благополучном *пребываниі мѣца доброго — иземлю вѣренѣ разоряще*.

Используются архаичные формы числительных — *шти*, характерных для памятников письменности севернорусской локализации и соответственно забайкальской.

Форма инфинитива на *-ти*, встречается в деловых текстах до XVIII века, но как маркер произведений «высоких» жанров либо как диалектное явле-

ние, свойственное северным говорам. В. М. Живов считает формы на *-ти* диалектной чертой, что отличает этот текст от московского образцового языка документов [Живов, 2004, с. 132]. В исследуемых текстах встречаются следующие примеры: «... смѣщения ꙗкрамолу во³буждати непри^стали а^ту великую силу вои^нскѣю воеже Покори^ти ѿбыва^ти ихъ хотя посылати <...> И блѣполѣчно житии...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 94, 103, 1685—1686 гг.]. Новые формы также частотны: «...люде^е Послатъ и такихъ вше^х рѣски^х люде^е своево^нико^в исамочино^в и разсорителе^в смиритъ ... небрать инеграбить и ясакѣ нео^тнимать...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 100, 103, 1685—1686 гг.].

По мнению ученых, во второй половине XVII века уже не приходится говорить о древней системе прошедших времен [Прокопович, 1971, с. 219]. Между тем в исследуемых документах глагольные формы прошедшего времени на *-л* конкурируют с архаичными формами, хотя употребление последних можно рассматривать как традиционное.

Как полагают исследователи языка, формы имперфекта перестают быть живыми к XII—XIII векам, в книжном типе литературного языка имперфект встречается до XV века [Прокопович, 1971, с. 257], а в документах Посольского приказа формы имперфекта фиксируются в документах XVII века. По своему значению имперфект — простое прошедшее время, повторяющееся или мыслимое как неограниченное во времени глагольное действие, полностью отнесенное к прошлому. Именно в этом значении зафиксированы примеры употребления имперфекта в исследуемых документах: «... рѣси вши ме^ж короле^вства своег^о рубежи сде^лжахуся ни^к рубежи нши бе^расу^но смѣло вступали ꙗ никоторо^в ѿбы^тка причинаху народа, оныя которые крѣгъ рубежа живяху в тихо^м миру Пребываху Пото^му бо Когда в рубежи нши вступили обиды ꙗбытки чиня жены идѣти и в^плѣ^н, Похищах^т...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 93, 103, 1685—1686 гг.], «... ради рѣсовъ вшихъ которые бяше во хенгъ...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 98, 1685—1686 гг.]. Старая форма имперфекта 3 лица мн. ч. встретилась в исследуемых документах четырежды, новая форма глагола прошедшего времени на *-л* — более 30 раз, что подтверждает версию ученых о возможном обращении писцов к старым формам в силу рукописной выучки или стилистического замысла. При этом имперфект в представленном документе уместен — употребляется для обозначения действия в прошлом в развитии без ограничений во времени при описании еще «тихого мирного жития» двух государств. Когда же речь идет о единоразовых действиях в ближайшем прошлом, автор использует форму глаголов совершенного и несовершенного вида прошедшего времени на *-л*. Например, «дѣша

моя неповолила во^нскую силу воеже Покорити јубива^ти х по^слать Токмо нача^ннико^в воино^в н^нско^ко Посла^н которые вши^н р^рско^м п^пть заде^ржали ј вхождение возбранили ат^тхъ р^рско^в которые были во хе^тгб^ь јвтаких јны^х м^мсте^х которые уже ипокорити^н бы^н неубивал нако^рмить Повелѣ^тн» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 94, 1685—1686 гг.]. В этом отрывке интересен пример: *ипокорити^н бы^н неубивал* — трансформированная форма плюсквамперфекта, образованная посредством сочетания перфекта вспомогательного глагола и причастия на -л, которая, вероятно, встречалась в разговорном узусе того времени и фиксируется как архаическая черта в современных говорах Забайкалья [Игнатович, 2013].

Аорист употреблялся в славянских языках для обозначения мгновенного действия в прошлом. В исследуемых документах встречаются формы ед. ч.: «...Когда убо видѣхъ что в^вши р^рски о^т пере^стания во^вбуждения крало^н некоторо^р о^бра^н всеб^ь Показ^ьють <...> не чу...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 96, 1685—1686 гг.]. Автор применяет форму аориста для обозначения единого нерасчлененного действия в прошлом, предшествующего другому, поэтому говорить, как и в случае с формами имперфекта, о случайном употреблении не следует. Зафиксировано в «листах» и перфектное оформление причастия: «... ли^ты со^пове^ню посланы с^сть...» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 96, 1685—1686 гг.]. Употребление форм аориста, имперфекта, перфекта и даже плюсквамперфекта в старом значении в исследуемых документах говорит о хорошей выучке писца, стремлении создать им текст высокого стиля: в каких-то частях документа это ему удавалось, но под влиянием живой разговорной речи новые формы преобладают.

Глагольная форма будущего времени в виде сочетания *буду* с инфинитивом встретилась единожды — *страдати будутъ*, хотя для деловых документов XVII—XVIII веков эта форма — обычное средство выражения будущего времени несовершенного вида. Однако старые формы проявляются в тексте, так в одном отрывке будущее время формируется с помощью *учнете* в сочетании с инфинитивом несовершенного вида: «... и бу^{те} вы впре^н учнете в^ншу землю таки^х своеволны^х р^рски^х люде^р о^ссебя о^пѣща^т ...». *Буде* (по происхождению форма 3 лица ед. ч.) выполняет функцию условного союза *если*.

В формах сослагательного наклонения старых сложных форм не зафиксировано, в исследуемых текстах встречается общая не изменяемая по лицам глагольная форма на -л с частицей *бы*: *приказали бы*, *покорили бы* *неходили бы*, *недово^ствовались бы*, *и жить бы с нами*. Употребляемые в текстах формы повелительного наклонения, как и сослагательные фор-

мы, помогают вести нить указаний цинского императора русскому царю: «...тѣмъ народомъ ясакъ всягѣ Повели ирѣбѣжи наши ѣстѣпаши невели <...> дабы рѣсо^м вѣшимъ возвратитися Повелѣли ... вели наса^а Повратити ... народомъ ясакъ всягѣ Повели ... ј влеса^х нѣши^х своимъ люде^м велите ловить всякихъ свѣре^в» [РГАДА, ф. 214, стб. 973, л. 102, 1685—1686 гг.].

6. Выводы

Как видим, исследуемые переводные «листы латинского письма являются интересным лингвистическим источником с точки зрения жанрово-стилистической характеристики и выявленных языковых явлений — словарного состава, фонетической и морфологической систем периода формирования языка русской нации. Анализ языка памятников показал последовательность в намеренной архаизации путем употребления церковнославянских слов и форм писцами, что, вероятно, являлось маркером дипломатических документов. Между тем живые формы и произносительные варианты, отраженные в языке памятников, могут свидетельствовать о том, что переводчик диктовал текст писцу, переводя устно с латинского языка. Тексты «листов» отразили эти две, казалось бы, взаимоисключающие тенденции — намеренная архаизация и передача живой звучащей речи, что, конечно, оправдывается как жанром документов, так и отнесенностью к языку переводной литературы

Источник и принятое сокращение

1. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов (г. Москва).

Литература

1. Биктимирова Ю. В. Морфология памятников Восточного Забайкалья конца XVII—XVIII в.: именные формы : монография / Ю. В. Биктимирова. — Чита : ЗабГУ, 2016 — 165 с.
2. Биктимирова Ю. В. Памятники деловой письменности Восточного Забайкалья XVII—XVIII в.: именные формы : учебное пособие / Ю. В. Биктимирова. — Чита : ЗабГУ, 2015 — 155 с.
3. Демьянов В. Г. Отражение языка оригинала в иноязычных словах перевода (по материалам вестей-курантов) / В. Г. Демьянов // Источники по истории русского языка XI—XVII вв. — Москва : Наука. — 1991. — С. 99—109.
4. Документ в российской истории / А. Я. Александрова [и др.]. — Нижний Новгород, 2012. — 192 с.
5. Дубровина В. Ф. О синтаксических явлениях в переводном тексте / В. Ф. Дубровина // Источники по истории русского языка XI—XVII вв. — Москва : Наука. — 1991. — С. 14—50.

6. *Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков / В. М. Живов. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 655 с.

7. *Игнатович Т. Ю.* Восточнозбайкальские говоры севернорусского происхождения в истории и современном состоянии (на материале фонетики и морфологии) : монография / Т. Ю. Игнатович. — Чита : ЗабГУ, 2013. — 309 с.

8. *Котков С. И.* Лингвистическое источниковедение и история русского языка / С. И. Котков. — Москва : Наука, 1980. — 293 с.

9. *Майоров А. П.* Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века / А. П. Майоров. — Москва : Азбуковник, 2006. — 263 с.

10. *Некоторые* маньчжурские документы из истории русско-китайских сношений в XVII-м веке [Электронный ресурс] // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. — Санкт-Петербург, 1912. — Т. 21. — Вып. 2-3. — Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Manc_rus_kit/pred.htm.

11. *Прокопович Е. Н.* Из наблюдения над развитием форм прошедшего времени в русском языке / Е. Н. Прокопович // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. — Москва : Наука, 1971. — С. 219—229.

12. *Старикова Г. Н.* Посольские отчеты XVII в.: жанровое разнообразие, лингвистическая содержательность [Электронный ресурс] / Г. Н. Старикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2015. — № 1 (33). — Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/posolskie-otchety-xvii-v-zhanrovoe-raznoobrazie-lingvisticheskaya-soderzhatelnost>.

13. *Христосенко Г. А.* Палеографический альбом (учеб. сб. снимков с рукописей нерчинских документов делового письма конца XVII — первой половины XVIII вв.) / Г. А. Христосенко. — Чита : ЧГПИ, 1973. — 112 с.

14. *Христосенко Г. А.* Фонетическая система Нерчинского делового письма второй половины XVII — первой половины XVIII в. : диссертация ... кандидата филологических наук / Г. А. Христосенко. — Красноярск, 1975. — 288 с.

15. *Чжан Сюэфэн.* Россия и Китай: выбор языка межгосударственного общения (конец династии Мин — начало династии Цин / Чжан Сюэфэн // Россия и Китай: исторический опыт взаимодействия и новые грани сотрудничества : материалы науч.-практ. конф., Екатеринбург, 25—26 ноября 2008 г. — Екатеринбург : Уральский университет, 2009. — С. 131—139.

Translated Diplomatic Letters of Chinese Emperor to Russian Tsar of late 17th Century as Linguistic Source

© *Ignatovich Tatyana Yuryevna* (2017), Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Transbaikal State University (Chita, Russia), ignatovich_chita@mail.ru.

© **Biktimirova Yuliya Viktorovna (2017)**, PhD in Philology, associate professor, Department of Russian Language and Methods of Its Teaching, Transbaikal State University (Chita, Russia), pravo_chita@mail.ru.

The study introduces into scientific usage and for the first time analyses from the perspective of a linguistic source study several translations of diplomatic letters of the Chinese Emperor to the Russian Tsar of the late 17th century, written in Cyrillic cursive and translated from Chinese into Latin and then from Latin into Russian language. The aim of the study is the consideration of their genre and stylistic specifics and defining linguistic characteristics. This seems relevant, because it allows to add to and refine scientific knowledge regarding the development of the Russian national language on the periphery of the Muscovite state. Analysis of the language of the monuments evidence of a consistency in deliberate archaization by the use of Church Slavic words and forms by scribes, which probably was a token of diplomatic documents. Meanwhile, the texts reflect both life forms and pronunciation variants of spoken Russian usage of the time, which may indicate that the interpreter dictated the text to the scribe, translating orally from Latin. The study shows that the translated Latin documents are interesting linguistic source from the point of view of linguistic phenomena reflected there — phonetic and morphological systems, the vocabulary of the period of formation of language of the Russian nation.

Key words: written monument; language of translated literature; cursive writing; variants of grammatical forms; genres of writ proceedings.

Material resources

RGADA — Rossiyskiy Gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (g. Moskva). (In Russ.).

References

- Aleksandrova, Ya. A. 2012. *Dokument v rossiyskoy istorii*. Nizhniy Novgorod. (In Russ.).
- Biktimirova, Yu. V. 2015. *Pamyatniki delovoy pismennosti Vostochnogo Zabaykalya XVII—XVIII v.: imennyye formy: uchebnoye posobiye*. Chita: ZabGU. (In Russ.).
- Biktimirova, Yu. V. 2016. *Morfologiya pamyatnikov Vostochnogo Zabaykalya kontsa XVII—XVIII v.: imennyye formy: monografiya*. Chita: ZabGU. (In Russ.).
- Chzhan Syuefen. 2009. Rossiya i Kitay: vybor yazyka mezhgosudarstvennogo obshcheniya (konets dinastii Min — nachalo dinastii Tsin. In: *Rossiya i Kitay: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i novyye grani sotrudnichestva: materialy nauch.-prakt. konf.*, Yekaterinburg, 25—26 noyabrya 2008 g. Yekaterinburg: Uralskiy universitet. (In Russ.).
- Dem'yanov, V. G. 1991. Otrazheniye yazyka originala v inoyazychnykh slovakh perevoda (po materialam vestey-kurantov). In: *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI—XVII vv*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Dubrovina, V. F. 1991. O sintaksicheskikh yavleniyakh v perevodnom tekste. In: *Istochniki po istorii russkogo yazyka XI—XVII vv*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Ignatovich, T. Yu. 2013. *Vostochnozabaykalskiye govory severnorusskogo proiskhozhdeniya v istorii i sovremennom sostoyanii (na materiale fonetiki i morfologii)*: monografiya. Chita: ZabGU. (In Russ.).

- Khristosenko, G. A. 1973. *Paleograficheskiy albom (ucheb. sb. snimkov s rukopisey nerchinskikh dokumentov delovogo pis'ma kontsa XVII — pervoy poloviny XVIII vv.)*. Chita: ChGPI. (In Russ.).
- Khristosenko, G. A. 1975. *Foneticheskaya sistema Nerchinskogo delovogo pis'ma vtoroy poloviny XVII — pervoy poloviny XVIII v.: dissertatsiya... kandidata filologicheskikh nauk*. Krasnoyarsk. (In Russ.).
- Kotkov, S. I. 1980. *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Mayorov, A. P. 2006. *Ocherki leksiki regionalnoy delovoy pismennosti XVIII veka*. Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).
- Nekotorye manchzhurskiye dokumenty iz istorii russko-kitayskikh snosheniy v XVII-m veke. 1912. In: *Zapiski vostochnogo otdeleniya imperatorskogo russkogo arkhologicheskogo obshchestva. Sankt-Peterburg. 21/2*. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680-1700/Manc_rus_kit/pred.htm. (In Russ.).
- Prokopovich, E. N. 1971. Iz nablyudeniya nad razvitiem form proshedshego vremeni v russkom yazyke. In: *Problemy istorii i dialektologii slavyanskikh yazykov*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Starikova, G. N. 2015. Posolskiye otchety XVII v.: zhanrovoye raznoobrazie, lingvisticheskaya sodержatel'nost'. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya, 1 (33)*. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/posolskie-otchety-xvii-v-zhanrovoe-raznoobrazie-lingvisticheskaya-soderzhatel'nost>. (In Russ.).
- Zhivov, V. M. 2004. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII—XVIII vekov*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).